

Борис Штейн

СКАЗКИ
ДЛЯ
ВСЕХ

Борис Самуилович Штейн

Сказки для всех

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4943678
Сказки для всех / Борис Штейн: Авторское;*

Аннотация

Новую книгу Бориса Штейна составили сказки, написанные в последние несколько лет. Сказки, которые будут интересны и детям и взрослым, в которых продолжает жить Ребенок. Как сказки-истории Экзюпери, Кипплинга, Уайльда...

Содержание

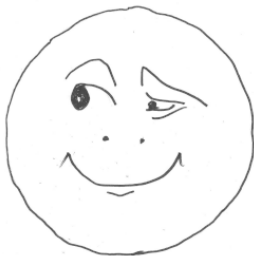
Вячик	4
Жираф	9
Жаба	14
Пятнышко	18
Часы	21
Кактус	26
Баржа	31
Музыкальная сказка	36
Дик	39
Обезьяна, которая умела сочинять стихи	43
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Борис Штейн

Сказки для всех

Вячик

Жила была девочка. И вот она стала пускать мыльные пузыри. Все пузыри плавали в воздухе, пока не натыкались на какие-нибудь предметы. Наткнувшись на что-нибудь, они лопались, как и полагается мыльным пузырям. И только один пузырь был нахальный-нахальный! Он не лопался совсем, а отталкивался ото всего, на что натыкался, и продолжал парить в воздухе, как игрушечная луна. К тому же у него оказался синий рот, которым он нахально улыбался. Девочка давно уже перестала пускать пузыри, а он все парил и парил, дразнился и дразнился, и даже один раз показал ей синий язык. Совсем не воспитанный тип! И мешал девочке смотреть мультфильм по телевизору. И она сказала ему: «Ты плохо воспитан! Ты мне надоел! Воспитанный пузырь давно бы исчез, если ему сказали, что не хотят больше с ним водиться!»

Надо сказать, что пузырь очень огорчился. Он, может быть, даже обиделся, потому что уголки синего рта поползли книзу, и перед девочкой предстала плаксивая физиономия. Но заплакать пузырь не мог: ему негде было взять слез. Внутри у него ничего не было – одна пустота: он, ведь был всего лишь мыльным пузырем. Девочке стало жалко беднягу, и она сказала:

– Ладно, не огорчайся так сильно. Я буду с тобой играть. Сначала я дам тебе имя. Ты будешь Вячик.

Пузырь очень удивился такому имени. Он хотел даже возразить, но ему было нечем. Правда, у него был синий рот и синий язык, но голоса у него не было. Какой может быть голос у мыльного пузыря! Поэтому он в ответ только покачал сам собой из стороны в сторону, показывая, что удивлен таким именем.

Что же ты удивляешься, – сказала девочка. – У всех должно быть имя. Например, меня зовут Лена, котенка зовут Фишман, а тебя – Вячик. Имя хорошенькое, напоминает мя-

чик. Ты тоже круглый как мячик, поэтому я тебя и назвала Вячиком.

Пузырь кивнул сам собой и запрыгал по полу, как настоящий мячик, не лопааясь.

И они пошли гулять – все трое: девочка Лена, мыльный пузырь Вячик и котенок Фишман.

– Вячик, Вячик! – кричала девочка, и пузырь катился к ней, высоко подпрыгивая на бугорках. Следом за ним мчался котенок Фишман. Он тоже время от времени подпрыгивал независимо от рельефа местности. Он, ведь, был совсем ребенок, этот маленький хвостатенький Фишман, и ему все время хотелось прыгать. Еще ему хотелось догнать Вячика и стукнуть по нему лапой с выпущенными когтями. Маленький Фишман не понимал, что Вячик всего-навсего мыльный пузырь, и от кошачьих когтей может просто-напросто лопнуть.

Так они играли, весело смеясь. По крайней мере, девочка весело смеялась. У мыльного пузыря уголки синего рта поползли кверху – можно сказать, что он тоже смеялся. Котенок же смеяться пока не умел: это был совсем маленький котенок.

Вдруг все увидели голодную черную ворону. Она слетела с ветки добродушного дуба и, распахнув огромные крылья, устремилась к котенку.

Не было никакого сомнения в том, что она собирается стукнуть котенка мощным клювом и утащить на растерза-

ние.

– Спасайся, Фишман! – крикнула девочка и замахала на ворону руками.

Но разве большая ворона испугается маленькой девочки! Тем более что это была даже не ворона, а ворон, существо еще более свирепое.

И тогда Вячик очень рассердился на этого ворона. Ты спросишь: разве мыльные пузыри могут сердиться? Обыкновенные, конечно, не могут. Но это, ведь, был волшебный пузырь. Не следует удивляться: бываю же волшебные лампы, волшебные башмаки, волшебные старики Хоттабычи. Почему бы не быть волшебному мыльному пузырю? И вот волшебный мыльный пузырь Вячик ринулся на защиту котенка Фишмана. Он раздулся от гнева и стал вдвое больше самого себя. Синий рот приоткрылся, уголки губ опустились. Жаль, что во рту у него не было синих зубов, если бы они были, вид Вячика стал бы настолько грозен, что, безусловно, напугал бы большого ворона. А так ворон совсем не испугался, он только чуть-чуть замешкался и клюнул Вячика изо всей силы. И Вячик лопнул. Ведь, он был хоть и волшебным, но всего лишь мыльным пузырем. Волшебства его хватало лишь на то, чтобы выдерживать легкие прикосновения к домашней мебели или покрытых травой кочек, а противостоять острому и сильному клюву он не мог.

Ворон же ужасно удивился, что смешной шар вдруг исчез, и заподозрил неладное. А, заподозрив неладное, решил

убраться отсюда подобру-поздорову и позавтракать где-нибудь в другом месте.

Так был спасен котенок Фишман. А от Вячика осталось всего лишь маленькое мокрое пятно.

Девочка немного поплакала: ведь у них успела образоваться теплая компания, а когда кто-нибудь из компании погибает, нормальные люди всегда плачут.

Она теперь часто пускает мыльные пузыри, ждет, не появится ли Вячик.

Он все не появляется. Но, ведь, у девочки впереди целая жизнь, Сколько в этой большой жизни будет еще мыльных пузырей! Когда-нибудь проявится и Вячик.

Жираф

Жираф стоял в клетке. Клетка была большая-большая – до самого неба!

Мальчик стоял рядом с клеткой и, задрав голову, смотрел на жирафа. Мальчик смотрел на жирафа, а жираф, скосив глаза к носу, смотрел вниз на мальчика. Мальчик был и сам по себе маленьким, а с высоты головы жирафа казался совсем крошечным. Таким крошечным, что его впору было рассматривать в бинокль.

– Какой ты большой! – сказал мальчик.

– Какой ты маленький, – отозвался Жираф. – Тебя впору рассматривать в бинокль.

– Так в чем же дело? Рассматривай! – предложил мальчик.

– Но у меня нет бинокля, грустно сказал жираф.

– Когда у тебя день рождения? – спросил мальчик. – Я подарю тебе бинокль на день рождения. – Он обернулся к папе. – Правда, папа?

– Я не помню, – признался жираф. – На клетке есть дощечка. На ней написано, когда я родился.

Через пятнадцать минут мальчик объявил:

– У тебя день рождения через месяц.

– А у тебя? – спросил жираф.

– А у меня через год.

– А кто же тебе подарит бинокль? – спросил Жираф.

– Мне не нужен бинокль, – заявил мальчик. – Мне уже четыре года. Скоро будет восемь. А потом двадцать. И я буду летчиком. Я буду летать на самолете выше всех жирафов.

Жираф вдруг загрузил, а потом и вообще заплакал.

– Почему ты плачешь? – удивился мальчик.

– Потому что мне, например, никогда не быть летчиком: я не влезу ни в какой самолет...

Мальчик задумался.

Потом он вздохнул и сказал:

– Ладно, я не стану летчиком. Я стану изобретателем. И я изобрету такой большой самолет, прямо огромный. Чтобы в этом самолете мог летать, например, жираф.

Жираф перестал плакать и сказал ласковым голосом:

– Ты настоящий друг. Жаль, что я не могу тебя пока разглядеть без бинокля.

Дома мальчик попросил у мамы бинокль. У мамы был маленький театральный бинокль, и она дала его мальчику.

«Пусть поиграет, – подумала мама, – хорошо, что ребенок интересуется оптической техникой. Это лучше, чем бесконечные компьютерные игры... Может быть, со временем из него получится настоящий умный студент!»

Вообще-то студент – профессия временная. Многие дети становятся после школы студентами, а потом? А потом из них, из этих уже студентов получаются инженеры, врачи, учителя, летчики и капитаны. Но мама додумать до этого

времени не успела, потому что мальчик прервал ход ее мыслей. Он спросил:

– Мама, а можно я твой бинокль подарю жирафу на день рождения?

– Зачем? – удивилась мама. – Ведь жираф не ходит в театр. Зачем ему театральный бинокль?

– Мама, – спросил мальчик, а на театре висит табличка «Жирафам вход воспрещен»?

– Нет, честно призналась мама, – такой таблички на театре нет.

– Вот видишь, – обрадовался мальчик. – Значит, жираф может когда-нибудь пойти в театр, например, на детский спектакль. Или на кукольный. Как же он увидит без бинокля маленьких артистов?

Маме нечего было возразить, и она согласилась.

Подари, – разрешила она, усмехнувшись.

Наверное, подумала, что мальчик шутит.

Но мальчик не шутил и ровно через месяц пришел к жирафу на день рождения.

Надо сказать, что гостей на этом празднике было не много – а именно двое: мальчик и его папа. Они принесли жирафу угощение в виде яблок и бананов и, конечно же, бинокль. Сначала мальчик просунул в клетку гостинцы. Он спросил:

– Почему у тебя так мало гостей?

Жираф там наверху пожал плечами и ничего не ответил. Потом он широко расставил передние ноги – от этого рост

его стал поменьше, и ему было удобнее угощаться с земли.

Тогда мальчик просунул в клетку бинокль и сказал: Вот тебе подарок на день рождения.

Жираф пошевелил толстыми губами, и мальчику показалось, что он улыбнулся.

– Нравится? – спросил мальчик.

В ответ жираф взял зубами бинокль за ремешок.

– Как же ты будешь в него смотреть? – поинтересовался мальчик. – У тебя же нет рук!

Жираф ничего не ответил мальчику. Он принялся энергично вращать шеей, раскручивая бинокль, как спортсмен-метатель раскручивает молот. Вдруг жираф резко разжал зубы, и бинокль, пролетев между прутьями клетки, взмыл в небо и опустился на крышу террариума – домика, где живут змеи.

– Вот это да! – сказали хором мальчик и его папа.

Потом они попрощались с жирафом. Жираф пожевал большими губами, и мальчику показалось, что жираф послал ему воздушный поцелуй. Мальчик тоже послал жирафу воздушный поцелуй: поцеловав свой кулачок, потом разжал его и подул в сторону жирафа.

Потом мальчик и папа дополнили то, что было написано на дощечке, которая висела на клетке. Они дописали фломастером: «ЧЕМПИОН ЗООПАРКА ПО МЕТАНИЮ ТЕАТРАЛЬНЫХ БИНОКЛЕЙ».

И это была чистая правда.

Жаба

Жил-был мальчик. У него возникали всякие-разные желания, и они, как правило, выполнялись. Для исполнения желаний у мальчика имелись мама и папа. Особенно папа. И вот однажды у мальчика возникло очень большое желание. Сильное-сильное.

Желание сверкало никелем и красной краской и катилось по асфальтированной дорожке, приятно шурша шинами. Трудно не понять, что это был новенький детский велосипед.

И действительно, мама и папа сразу поняли это. Особенно папа. Папа сразу и нарисовал велосипед на листе бумаги – и не только велосипед, но еще и мальчика, как он на этом саамам велосипеде самостоятельно едет. И сказал:

– Ну что ж, купим велосипед человеку!

Мальчик ждал, что мама в ответ радостно закивает головой в знак согласия.

Но мама почему-то не закивала радостно головой, а наоборот сказал неприятные слова. Он сказал так:

– Не знаю, меня жаба душит.

– Какая жаба? – удивился папа. – Не вижу никакой жабы.

И он внимательно осмотрел комнату.

Мальчик тоже внимательно осмотрел комнату. Даже очень-очень внимательно. И вдруг увидел жабу. Ведь бывает так, что дети видят то, что взрослым разглядеть не удастся. Вот он и увидел противную зеленую жабу с коричневым отливом. Она сидела у мамы на спине и своими коричневыми лапками сжимала мамино горло. Хорошо еще, что на маме была кофта с высоким воротником-стойкой, а то ей бы было, наверное, ужасно противно.

Папа сказал:

– Ну ладно, подождем до лучших времен.

Жаба сразу прыгнула с мамы, и мама сказала:

– Вот и хорошо!

Понятно, что ей стало хорошо, когда она избавилась от жабы!

Итак, мама оказалась без жабы, а мальчик без велосипеда.

Тем не менее, мальчик вырос и в скором времени сам стал папой, потому что у него тоже завелся сынок, и у этого сынка тоже возникали разные желания, и вот однажды он сильно захотел велосипед.

Бывший мальчик, а теперь уже тоже папа внимательно оглядел комнату и, нигде не обнаружив жабу, сказал:

– Ну что ж, купим велосипед человеку!

И купил.

Сынок рос, катаясь на велосипеде, и дорос до такой степени, что велосипед стал ему казаться слишком медленным средством передвижения. И это вылилось в желание занять мотоцикл. Ах, какие мотоциклы видел он в рекламном журнале! Обтекаемой формы, мощные, сверкающие, в них было что-то от космических ракет. Не мотоциклы, а настоящее счастье! И наш бывший мальчик, а теперь уже папа, услышал от своего сыночка, когда они сидели в кафе и ели мороженое, серьезное и дорогостоящее слово «мотоцикл».

Молодой папа задумался и стал внимательно оглядываться. И вдруг заметил, что на свободном стуле за их столиком сидит противная зеленая жаба с коричневым отливом и смотрит на него своими выпуклыми глазами, и он прочел в

этом взгляде угрозу. Молодой наш папа невольно потер шею (а он был как раз в открытой майке) и проговорил, косясь на жабу:

– Подождем до лучших времен!

И сынок его продолжал вплоть до этих самых лучших времен крутить педали.

Лучшие времена настали, когда сынок вырос и сам заработал на заводе деньги на мотоцикл.

Интересно, что когда он уже подходил к магазину, где продавались мотоциклы, откуда ни возьмись, к нему на спину запрыгнула жаба и стала пробираться к его открытой шее. Юноша спокойно снял ее и выбросил в мусорную урну. И больше никогда ее не видел.

Пятнышко

Оно сверкало на солнце, как настоящая эмалированная вещица, соблазнительная звонкая штучка. Хотя это была никакая не штучка (тем более, звонкая!) – это было просто белое пятнышко на кончике кошкиного хвоста. Но ворона не могла этого понять. Это была довольно узколобая ворона с круглыми глазами, которая не могла охватить взглядом большую часть пространства, а, уставившись в одну точку (например, в белое пятнышко), только эту точку и видела, больше ничего.

И вот наша ворона уставилась в белое пятнышко, которое

она приняла за эмалированную штучку. Вороной овладело желание ухватить эту соблазнительную штучку и унести к себе в гнездо, и она не видела причин, мешающих выполнить это желание.

Надо сказать, что ворона эта была довольно вороватой птицей. У нее в гнезде уже хранилась стеклянная сережка, которую на ее глазах обронила на пляже маленькая девочка, и – вы не поверите! – блестящие желтые часы, которые снял, уходя купаться, совсем взрослый мужчина. Теперь ворона решила пополнить свою коллекцию заманчивой беленькой штучкой – она притягивала ее к себе, как магнит притягивает железку. Ворона разбежалась и клюнула белое пятнышко, но не попала. Пятнышко отодвинулось в сторону, потом поднялось вверх, а потом спряталось под большую полосатую кошку. Кошка, убрав под себя хвост, выгнула спину мостиком, повернулась к вороне лицом и ощерилась, показывая острые, как иголки, зубки. Всем своим видом кошка как бы говорила:

– Пошла вон, не приставай.

Но ворона и не думала прекращать охоту. У нее, как я уже говорил, был довольно узкий лобик, в нем помещалось совсем мало мозгов – их не хватало, чтобы сообразить, что пятнышко принадлежит хвосту, а хвост – кошке. Поэтому ворона была настроена воинственно. Она не понимала, почему это противная кошка щерит свой противный рот и препятствует ее такому естественному желанию стащить пятныш-

ко. К сожалению, в узком вороньем лобике не имелось достаточного количества слов, чтобы выразить свое возмущение, и она произнесла то единственное слово, которое всегда было у нее наготове: она гневно крикнула:

– Кар-р-р!

Пятнышко, между тем, опять появилось в узкой полоске обозреваемого пространства. Тут уж ворона ринулась вперед, помогая себе крыльями, и клюнула!

И на этот раз попала!

Однако, пятнышко выскользнуло из клюва и опять спряталось, описав в воздухе красивую дугу.

Кошка опять повернулась к вороне лицом и сказала, не скрывая презрения:

– Совсем с ума сошла?

– Сама дура! – нашлась ворона.

Мало-мало у вороны мозгов, а на грубость хватило.

Ведь, чтобы нагрубить, большого ума не надо!

Кошка, проявив сдержанность, не стала ничего отвечать, а взяла и ушла. Она отправилась на пирс, где ловили рыбку рыболовы. Рыбка иногда ловилась мелкая, совсем не нужная людям... Так или иначе, у кошки были свои планы на жизнь

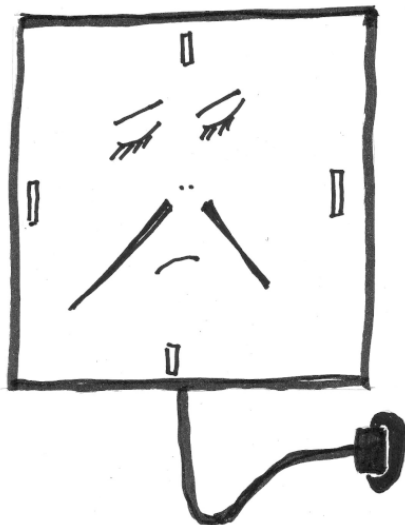
А ворона, еще раз ругнувшись, полетела прочь.

Они с кошкой так и не поняли друг друга.

Часы

Новые часы повесили высоко над компьютерным столом. Компьютерный стол стоял в углу кабинета, и часы оказались во главе угла.

Не каждому удастся оказаться во главе угла, и не каждый может удержаться, чтобы не подчеркивать свое высокое положение, свое превосходство над теми, кто оказался гораздо, гораздо ниже, например, над старыми механическими часами с допотопными стрелками, которые за ненужностью лежали, уже не тикая, на случайном стуле и грустно смотрели в потолок.

– Смотрим мы на некоторых бездельников, – сказали высокие электронные часы, – и удивляемся, как им не совестно лежать безо всякого толка, уставясь циферблатом в потолок!

– Не следует насмехаться над теми, кто попал в беду, – донеслось со стула, ведь всякое может случиться абсолютно с любым. Мы-то знаем. Мы начали отсчитывать время давно-давно, когда об электронном циферблате без стрелок еще никто не слышал. И многое повидали на своем веку. Например, видели, что те, кто оказывался выше всех, иногда падали со своей высоты и разбивались вдребезги.

– Просто вы нам завидуете, – высокомерно усмехнулись современные электронные часы, помещенные во главу угла.

Нарядные электрические точки непрерывно мерцали на их циферблате, образуя цифры: часы, минуты и секунды. Электронным часам было, чем гордиться!

Но старым часам было не знакомо чувство зависти. Мастер, который соорудил их в давние времена, был простодушным и трудолюбивым человеком, и он никому не завидовал. Он успешно занимался любимым делом, люди уважали его за это – кому тут еще завидовать! Он вложил в свои часы много хороших чувств, например, чувство точности, чувство справедливости, а чувства зависти не вложил.

И Старые Часы искренне удивились:

– Чему завидовать?

– Хотя бы тому, что мы сверкаем лампочками и показываем точное время, – снисходительно объяснили новые часы. – А на вас, как ни посмотришь, – всегда два часа. Вы безнадежно отстали.

– Мы отстали, – спокойно ответили Старые Часы, – потому что мы вообще стоим. А стоим мы, потому что у нас поломалась от старости одна пружинка. Это – как болезнь. Старые всегда болеют. Но мы тоже показываем точное время – два раза в сутки: в два часа ночи и в два часа дня. В эти мгновения точность наша не меньше, чем у знаменитых английских часов на лондонской башне Биг Бен. Кроме того, мы надеемся, что у нас появится Хозяин, который вылечит нас, заменив старую сломанную пружинку на новую, и мы снова будем тикать, тикать... Под наше тиканье наш самый

первый хозяин сочинял добрые сказки и записывал их, макая в чернильницу гусиное перо. Может быть, теперешний хозяин тоже примется сочинять сказки, и для этого ему понадобится наше мерное тиканье. Тогда он отправит нас на операцию по замене пружинки. Так что надежда у нас есть.

Какие вы наивные – не по годам! – воскликнули Новые Часы. – В наше время нужно иметь не надежду, а связи.

– И вы их имеете? – полюбопытствовали Старые Часы.

– Конечно! – похвастались Новые Часы. – У нас прочные связи с электрической розеткой. Благодаря этим связям мы вообще обходимся без пружинки.

– Вообще без пружинки? – удивились Старые Часы. Нет, мы, действительно, безнадежно отстали. Это же уму непостижимо: часам обходиться без пружинки!

Внезапно раздался какой-то неприятный звук, и в доме выключилось электричество.

Компьютер мгновенно потерял сознание и забылся глубоким сном.

Новые часы прекратили действовать. Их лампочки погасли. Некогда нарядный квадрат циферблата превратился в печальный черный квадрат.

– И время не узнаешь! – раздался молодой человеческий голос. – Жаль, что старые часы не ходят. Отнесу-ка их в починку!

Через три дня Старые Часы стояли рядом с компьютером и мерно отстукивали бесконечное время. Свет в доме уже

горел. Компьютер проснулся и был готов к работе.

Человек сел за компьютер и взглянул на ожившие Новые Часы и на ожившие Старые Часы. Он убедился, что они показывают одно и то же время. Новые часы – бесшумно, а Старые часы – уютно тикая. Человек занес руки над клавиатурой и под мерное тиканье Старых часов написал вот эту сказку.

Кактус

Кактус рос среди других цветов на широком балконе. Балкон был так уставлен горшками и пластмассовыми лотками с цветами и кадками с разными растениями, что напоминал ботанический сад. По вечерам на балкон приходили мужчина и женщина. Они пили чай или вино в окружении цветов, подрастающих пальм и других растений и тихонько переговариваясь, любовались холмами, покрытыми многоярусными застройками из розоватого иерусалимского камня. Большое круглое солнце, уставшее за жаркий день, заливало каменные дома ровным спокойным светом, и от этого они делались еще розовее и еще красивее.

А на кактус никто особого внимания не обращал. И это понятно. На балконе цвели алые и белые розы, щедрые гвоздики, буйные хризантемы, нежные тюльпаны и самоуверенные герберы. Там росло еще несколько цветков с трудным названием АЛЬСТРИМЕРИЯ. Они были похожи на вытянутые для поцелуя губы. Поэтому не удивительно, что, глядя на них, мужчина и женщина иногда целовались... А на серо-зеленом колючем кактусе даже не останавливали взгляда.

– Боже мой, – сказала кактусу белая роза, – вы стоите в тени навеса, вы постоянно стоите в тени навеса. Вы же зачахнете без солнечных лучей. Как бы я хотела вам помочь!

Да-да, именно так сказала скромному кактусу роскошная

белая роза: «как бы я хотела вам помочь!».

И добавила:

– К тому же вас совсем не поливают, я очень беспокоюсь, как бы вы не умерли от жажды.

– Вы действительно беспокоитесь обо мне и хотели бы мне помочь? – поинтересовался растроганный кактус. – Ему в жизни не приходилось сталкиваться с таким вниманием к своей особе. Он ведь был всего-навсего низкорослым, неказистым колючим отростком, и никто не смог бы сказать с уверенностью, кто он на самом деле: стебель или просто листок, пустивший корни. Такой.

– Действительно беспокоюсь, – призналась красавица-роза.

– Не беспокойтесь, сказал кактус. – Нам, кактусам, много не надо: полкружки воды раз в месяц для нас вполне достаточно. Но ваша забота обо мне... Я чувствую от этого необыкновенное волнение... К тому же, вы так прекрасны!

– Разве кактусы умеют чувствовать? – удивилась белая роза.

– Конечно, умеют, – подтвердил немногословный кактус. – Только вида не подают. У нас, кактусов, не принято выставлять свои чувства напоказ.

И он надолго замолчал, удивляясь собственной болтливости.

Ближе к вечеру, когда солнце стало клониться к западу и подкрашивать видимую с балкона часть города, роза сказала:

– Я, все-таки, прямо не нахожу себе места: как же вы без солнца!

– Вы чуть-чуть поверните ко мне свой прекрасный бутон. Он будет мне вместо солнца!

– Я сделаю это утром, – пообещала красавица. – Утром мои лепестки раскроются, и я действительно стану похожа на солнышко. Только белое.

– Белое Солнце пустыни! – произнес кактус, сам не понимая, откуда взялась у него эта фраза.

– Да вы поэт! – удивилась роза. – Кто бы мог подумать!

– Так уж и поэт! – застеснялся кактус. – Просто вы мне очень нравитесь!

– И вы мне! – призналась роза.

Надо сказать, что от этих слов кактус совершенно потерял покой. Неведомые прежде чувства овладели его серо-зеленым телом. Ему хотелось говорить и говорить со своей прекрасной соседкой, но та, свернув лепестки в бутон, уснула на всю ночь.

Кактус все тревожился и кряхтел, но делал это тихонько, чтобы не разбудить розу.

Он с трудом дождался утра.

Утром роза повернула к нему свое открытое лицо и воскликнула:

– Как вы прекрасны! Вы настоящий красавец!

Дело в том, что на скромном серо-зеленом колючем кактусе, прямо на ребре его ни то стебля, ни то листика, расцвел

восхитительный красный цветок.

– Кактус зацвел! – с удивлением сказала женщина своему мужчине. Этим утром она его полила и выдвинула из тени навстречу солнечным лучам.

Баржа

Большая волна, прибежавшая из самой середины бесконечного моря, протиснулась в узкие ворота гавани и раскатила привязанные к палам суда. Ветра не было, было послеветрие, молчаливое возмущение водной поверхности, называемое мертвой зыбью.

На кнехтах и палах скрипели швартовые канаты, привязанные к бортам веревочные кранцы, похожие на грушевидные мячи для регби, смягчали столкновения бортов.

Среди этих рабочих звуков внимательное ухо могло уловить негромкие голоса, которыми переговаривались между собой стоящие борт о борт суда.

– Не могли бы вы подложить между нами еще один кранец? – сказала старая баржа высокомерной яхте. – Я боюсь, как бы мой ржавый борт не повредил вашу белоснежную краску!

– Не сейчас, не сейчас, – раздраженно ответила яхта. – Я сейчас занята: у меня совещание.

Солнечный луч полоснул по плафону ТОПОВОГО ОГНЯ – лампы, установленной на самом конце высоченной мачты, на плафоне вспыхнуло что-то вроде косой улыбки, словно бы великолепная яхта презрительно усмехнулась.

А совещание, между тем, действительно происходило. В щегольской кают-компании яхты за овальным столом мореного дуба собралось несколько молодцеватых мужчины в синих клубных пиджаках с бронзовыми пуговицами. Бронзовые пуговицы гармонировали с их бронзовыми от загара лицами. Охлажденное светлое пиво в эксклюзивных кружках из темного стекла было единственным угощением на этом собрании яхтенных капитанов.

Речь шла о предстоящей международной регате.

– Я, как яхта-хозяин, – сказал один из присутствующих,

высокий красавец с рыжей шкиперской бородкой, – я, как яхта-хозяин, – сказал он, – настаиваю на удалении из гавани старой баржи. Это позволит ошвартоваться двум или даже трем яхтам, участницам регаты.

– Куда же мы ее денем, эту баржу? – заговорили остальные яхтенные капитаны. – Ее совершенно некуда девать!

Тогда рыжебородый красавец, который, как многие капитаны, отождествлял себя со своим судном, заявил:

– Я полагаю, ее необходимо вывести на рейд и утопить на глубоком месте. Я. Как яхта-хозяин...

Но закончить свою убедительную речь этому капитану не удалось, потому что в кают-компании стали раздаваться голоса сомнения и даже возражения.

– Это же знаменитая баржа – заговорили капитаны.

– Когда-то она привезла на наш берег огромное количество новых поселенцев, наших, по сути дела, дедушек и бабушек. Буксир, который тащил баржу, погиб под огнем английской артиллерии, и люди добирались до берега вплавь. Добравшись до берега, многие получали винтовки и, не успев обсохнуть, шли в бой. И некоторые погибли в этом бою. Они погибли, чтобы, их потомки, могли свободно жить здесь и проводить парусные регаты. Как же мы теперь возьмем и уничтожим такую героическую баржу!

– Но у нас нет другого выхода! – настаивал рыжебородый капитан. Сопение затянулось. Капитаны выходили на палубу, курили ароматные сигареты и редкий трубочный табак

и снова спорили. Они включили палубное освещение, и красавица-яхта словно преобразилась и стала еще прекраснее.

Старая баржа смотрела на высокомерную соседку и печально думала о том, что на ней-то, на барже, давно уже никто не включал палубное освещение. И ей очень захотелось вернуться в свою трудовую и героическую молодость, в те времена, когда на нее заглядывались молодые, сильные буксиры, по ее палубе сновали люди, и за ее кормой обозначалась кильватерная струя. Она была тогда молода и привлекательна, ее ценили и использовали. А теперь она стояла, заброшенная и запущенная, да-да, всеми заброшенная старая ржавая лоханка. И она беззвучно и бесслезно заплакала, как старуха, забытая на обочине жизни.

Наутро баржа обнаружила, что на нее обратили внимание. Молодые, ловкие парни обстукивали ее отсеки и трюм и что-то крепили внутри нее возле самого киля. Красавец-буксир завел на нее новенький капроновый трос. Старый кнехт на ее носовой части напрягся и приготовился тряхнуть стариной. И его, действительно, дернули и развернули древнюю посудину носом в открытое море.

Вскоре она двинулась вперед, увлекаемая сильным, изящным буксиром, оставляя за кормой явственную кильватерную струю. По ее трапам сновали ловкие фигурки, с капитанского мостика, что был расположен на самой корме, раздавались усиленные рупором команды.

Это была жизнь!

Это была молодость!

Потом рухнул на глубину тяжелый якорь, увлекая через клюз бесконечную якорь-цепь.

Баржа не знала, что до взрыва оставалось не более минуты.

– Я счастлива! – подумала она.

И это была ее последняя мысль.

Музыкальная сказка

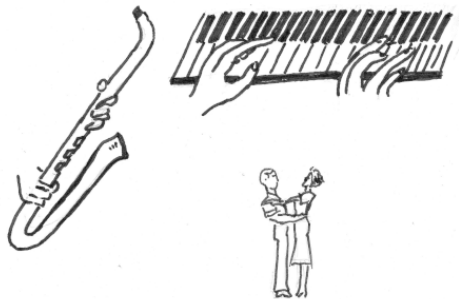
Однажды мне случилось стать свидетелем того, как репетировали Саксофон и Фортепианная Музыка.

Саксофон начал выводить пьесу «Вишневый сад»:

«та-ра-та-та, та-ра-та-та, та-та,

Та-ра-та-та, та-ра-та-та!

Знакомая мелодия защемила душу Вернее сказать, защемила душу ностальгия по молодости. Дом офицеров в холодном прибалтийском городе. С гарнизонным оркестром выступает великий и скромный трубач Аби Зейдер. Многие офицеры и гражданские эстонцы специально посещают этот танцевальный зал, чтобы послушать Абрама Зейдера...

Тут не труба – саксофон. У него совсем другая музыка, совсем другая. Нет такого разухабистого страдания, как у трубы. Но мелодия-то, мелодия! Мелодия та же. И сак тоже не

балалайка. Он выводил бережно и красиво, как бы посыпая золотыми блестками.

А фортепьянная музыка... Что фортепьянная музыка! Ей оставалось только подыгрывать, заполнять паузы и подчеркивать тему. Так они ехали, словно в одном трамвае, каждый занимая свое место. Вдруг фортепьянная музыка выпрыгнула на ходу из вагона и принялась плясать собственную вдохновенную пляску, отбросив в сторону директивную мелодию.

– Что ты делаешь! – возмутился саксофон. – Ты ведешь себя, как девчонка! Как дерзкая, непослушная девчонка, не знающая дисциплины!

– Отстань! – ответила Фортепьянная музыка. – Ты надоел мне со своей дисциплиной. Ты настоящий зануда!

– Ах, я зануда! – вспылil саксофон. – Сейчас увидим, кто из нас зануда! Ну-ка, помолчи, побереги клавиши! Вот!

Комнату огласили безумные вариации, далеко убегающие от основной мелодии.

– Напрасно ты стараешься! – воскликнула Фортепьянная Музыка. – Духовому инструменту никогда не сравниться с фортепьяно!

Ты слишком заносчива! – обиделся саксофон. – У нас получается не музыкальный номер, а настоящее сражение!

– Есть упоение в бою! – сказал фортепьянная музыка. Она явно чувствовала это упоение. Она упивалась этим музыкальным сражением.

Тут саксофон издал виртуозную руладу и упал на кушетку.

Оборвалась и Фортепьянная Музыка.

В комнате наступила тишина. Мужчина и женщина, обнявшись, целовали друг друга, и никто не скажет, какая музыка звучала в их душах в этот момент.

Дик

Здравствуй. Как тебя зовут?

Меня зовут Дик. Не потому, что я дикий. Я не дикий. Я злой, это правда. И не вздумай почесать меня за ухом. Я не говорю, что сразу укушу. Я не знаю, что сделаю, потому что за себя не ручаюсь. Видишь, кошка вылезла из-за кустов? Я только посмотрел на нее, только посмотрел. И где коша? Где она? Это я еще не успел зарычать. Спрашиваешь, почему я такой злой? Я так тебе скажу: Пес должен быть злым. Иначе что это за пес! Между прочим, злому лучше: его боятся, и он все устраивает по-своему. Злой только клыки покажет – добрый сразу хвост поджимает. Или виляет хвостом, трусливо подлизываясь.

Вот Симка, смотри. Я только зарычу – сразу подойдет и

ляжет рядом. И в глаза начнет заглядывать. Р-р-р! Зла не хватает. Вот легла... Предательница! И Тузик припнулся за ней. Виляет своим обручком.

У нас тут целая стая, своя компания, свои дела. И я главный, как ты понимаешь. Всего пять душ. А однажды, когда только наступили жаркие дни, еще один к нам прибил, рыжий шалопай. Он мне сразу резко не понравился. Прыгал, как сумасшедший, вилял хвостом и смеялся. Как смеялся? Что, не знаешь, как собаки смеются? Совсем тупая...

Пасть разинут до ушей, язык вывалят, вот тебе и смех. А мои бойцы, как с цепи сорвались: давай тоже прыгать рядом с ним и пасти растягивать. И хвостами, хвостами крутят, словно соревнуются, кто шибче. Стыдно!

А Симка умудрилась потереться об этого рыжего лисенка и улечься возле него, как только он утихомирился. Я показал ей зубы, так она меня облаяла, такая сякая! Вижу – вся стая его полюбила. Пришлось смириться. Но зло затаил на него, выродка. К тому же он в ошейнике был. Дернул, значит, от хозяина-то. У нас тут у каждого хозяин имеется. Но ошейников не носим. Зачем? Надо – каждый забежит к своему, поест-попьет из мисок, и – на волю. А этот новенький повадился к Симке бегать, из ее мисок питаться, паразит! Она и рада. Трется около него, а на меня стала лаять и рычать! Как же я зол! Видишь, солнце, круглое, как миска, к морю подползает. Если бы мог до него добраться, разорвал бы на части! Ты отойди немного, слишком-то близко не подходи,

так лучше будет для тебя.

А рыжий этот бросил нас, сукин сын! Как-то вечером мы отдыхали на газоне. Стемнело уже. Солнце это наглое нырнуло в море, и стало темно. Вдруг в темноте голос раздался: – Бони, Бони, ко мне, ко мне, мой маленький!

И этот шалопай рванул к человеку, мгновенно забыв и про Симку, и про меня, и про всю нашу хвостатую компанию.

А человек, от которого за версту пахло усталостью, стоял посреди газона на одном колене и обнимал негодяя, как люди обнимают женщин. И чмокание какое-то раздалось, совершенно не собачье. А хвост у негодяя вращался с такой скоростью, что я думал, он сейчас оторвется и улетит к чертям собачим.

На сукиного сына надели поводок, и они ушли, растаяли в темноте.

Моей ярости не было предела.

Я подошел к кусту, на который задира лапу этот рыжий дурачок, этот жизнерадостный наглец. От куста так разило этим Бони, что на какое-то мгновение я вообразил, что это он. Я набросился на куст, я рвал и ломал его ветви, ты можешь посмотреть, сколько здесь валяется ошметков.

И что думаешь? Он опять появился здесь – вместе с хозяином. На его ошейнике был застегнут поводок, хотя было не понятно, кто кого ведет: хозяин его или он хозяина.

Я показал клыки, и они не стали подходить ко мне. А Симка, дрянь, подбежала и лизнула рыжего в морду. Человек, ко-

торого привел негодяй, погладил Симку по спине и почесал ей за ухом. И эта дуреха лизнула руку чужого человека. Потом и Тузик подошел к ним, за ним и вся команда – за своей порцией ласки. Терпение мое лопнуло, и я устроил им настоящий грозный собачий лай. Симка подбежала и легла возле меня. Остальные сиганули в разные стороны. Бони этот приبلудный увел своего хозяина.

Визит закончился.

А я думаю иногда: С чего это никто не злится на этих подлиз и подхалимов? Они смеются, твякают беззлобно, у них ни клыков нет порядочных, ни голоса грозного для рычания.

А их любят и люди, и собаки!

Обезьяна, которая умела сочинять стихи

Например, такие:

В зоопарках есть зверятки.
У зверят — недостатки.
Разве только обезьяна
Сохранилась без изъяна.

Конечно, не Пушкин. И не Корней Иванович Чуковский. Но с другой стороны — и обезьяна — не человек, а только обезьяна. Вернее — не обезьяна, а обезьян. Ты скажешь, что нет такого слова — «обезьян». А что делать, если это — мальчик? И зовут его мужским именем Ян.

Самый умный обезьян —
Безусловно, милый Ян!

Он пропихнул публике эти стихи прямо из клетки, и публика пришла в сильное волнение.

И, несмотря на то, что некоторые знатоки и литературоведы указывали окружающим на явные стилистические недостатки этого двустийшья, все посетители зоопарка пришли, как я уже сказал, в сильное волнение, в неопишваемое волнение, и говорили друг другу: «Надо же, обезьянка, а сочиняет так складно, да к тому же сама и говорит! Мой, когда еще за мной ухаживал, тоже пытался, но у него хуже получалось. Если в конце строчки стояло «ПОЗДРАВЛЯЮ», в следующей строчке было обязательно «ЖЕЛАЮ». Даже не интересно. Я, правда, все-таки, вышла за него: другие и этого не умели!»+

И все отлепили своих детей от клеток с жирафами, например, и с тиграми и устремились к вольеру ПРИМАТОВ посмотреть на уникальную обезьянку.

Зоопарк не выдержал такой могучей славы одной отдельно взятой обезьяны и передал ее (то есть, конечно, его) в цирк.

А в цирке на Яна свалилась большая любовь. Он полюбил большого слоненка Филю. Конечно, по сравнению со взрослыми слонами Филя не был большим, скорее он был маленьким. Но по сравнению с обезьянкой это был настоящий гигант. Как у всех слонов, у Фили были большие уши и маленькие умные глаза, а при взгляде на Яна они прямо-таки светились добротой. А если кто-то все время поглядывает на тебя добрым взглядом, то ты хочешь – не хочешь, полюбишь это славное существо. Вот Ян и полюбил Филю.

Все на свете поэты, полюбив кого-нибудь, сочиняют стихи о предмете своей любви. Ян не был исключением. И он сочинил стихи, с которыми обращался к цирковой публике:

Тот, кто думает, что Филя —
Просто слон и простофиля,
Тот, по-моему, не прав:
Посмотрите ненароком:
Он на лбу стоит широко,
Ноги задние задрал!

Правда, тут уж я и сам, хоть и не знаток и не литературовед, должен указать на недостатки этого стишка. Во-первых, зачем тут слово «ненароком»? Можно подумать, что у публики в цирке есть более важные занятия, чем наблюдать за

выступающим на сцене слоном. А это не так. Неправильное слово!

Во-вторых, «ноги задние задрал» – это сказано с большим преувеличением. Как он ноги задерет? Слон – не лягушка! На самом деле, Филя, упершись в пол лбом, приподнимал только одну тяжелую заднюю ногу, и стоял так не на трех, а на четырех точках. И только потом, когда дрессировщик щекотал стэком его живот, поднимал и вторую тяжелую заднюю ногу, и некоторое время удерживался так – в стойке на голове.

– Копштейн! – удовлетворенно сообщал дрессировщик и вздымал кверху руки, вызывая аплодисменты.

Добродушная цирковая публика аплодировала не только Филе, но и Яну, несмотря на недостатки его стихотворения. Тем более что Филя, вернув задние ноги на твердый пол, подавал Яну хобот, и Ян, словно он и есть дрессировщик, разворачивал Филю на все четыре стороны, и Филя на все четыре стороны кланялся. Излишне говорить, что Ян поселился с Филей в одной клетке. Цирковые начальники не возражали. В цирке вообще принято приветствовать дружбу и любовь. Тем более что и питались эти друзья одними и теми же фруктами и овощами. Правда обезьянка не ела сена и не ела зеленых березовых и липовых веников, но яблоки, бананы и прочие манго и сливы они оба уплетали дружно, и Филя всегда следил, чтобы Яну доставалось достаточно.

И Ян сочинил – уже не для публики, а для себя и для Фи-

ли:

У меня – я понял вдруг —
Есть большой и добрый друг.
Для любимой обезьяны
Он отдаст хоть все бананы.
Кинет персик – я ловлю.
Очень я его люблю.

Из этого незатейливого стишка ты поймешь, как они славно ладили друг с другом: слоненок и обезьянка, как они жили дружно и весело, и слова

«ОЧЕНЬ Я ЕГО ЛЮБЛЮ» относились, конечно же, не к персику, а к слону.

Но, к сожалению, счастье не может само по себе держаться бесконечно. И мрачные признаки беды стали сгущаться, как грозовые тучи над головами наших друзей.

Настало лето, цирк уехал на гастроли. Уехали акробаты, фокусники и клоуны. Уехали цирковые лошади, лама и дрессированные собачки. Уехал господин шпрыхшталмейстер. Не уехал только слоненок Филя. Его оставили дома, так как он не влезал ни в одну машину. И не уехал обезьянчик Ян, потому что он не мог оставить друга одного. Когда всех собирали и размещали в машинах, Ян спрятался в сено и сидел, не высываясь. Его поискали-поискали, потом махнули рукой и уехали на свои гастроли.

Друзья сначала радовались, оставшись вдвоем. Но их жда-

ли большие испытания.

Дело в том, что у Фили был один недостаток. Может быть, это и не следует считать недостатком, но это точно было его неизменным свойством. Слоненок Филиа очень много ел. У него был просто слоновый аппетит!

И запасы его еды скоро закончились.

Ты вправе удивиться: неужели директор цирка не позаботился о своем великом в смысле размеров артисте?

Я скажу так: он, конечно же, позаботился и оставил слону сена и веников, и хлеба, и овсянки, но слон слишком быстро все съел. Тем более что цирк по ходу гастролей пригласили еще на одни гастроли, и он задержался еще в одном городе, и тут уж директор совсем забыл, что дома ждет его голодный слон, и это было непростительно. Ведь человек, если даже он не директор цирка, а просто житель, у которого есть кот или собака, никогда никуда не уедет, не позаботившись о своем четвероногом товарище. А тут целый директор – и такое легкомыслие!

Филиа ужасно мучился от недоедания. Его глаза подернула серая пленка, уши бессильно обвисли, по бокам проступили ребра, а порой он закидывал на спину хобот и кричал неприятным хриплым голосом:

– А-а-а-а-а!

Те редкие буханки хлеба, которые покупал ему на свою скромную зарплату сторож, ничего не меняли. Филиа заглатывал их, не жуя, и продолжал громко жаловаться на голод.

– Как слону дробина! – сокрушенно мотал головой сторож и принимался чистить клетку. Но и чистить-то было нечего. С чего тут появиться навозу!

У маленького Яна сердце разрывалось от жалости, и он в поисках пропитания отправлялся на городской рынок. Там ему иногда удавалось стащить два банана. Ты спросишь, почему именно два, а не пять и не десять?

Подумай сама. Во-первых, Ян был цирковым артистом, а не воришкой. А два банана – это еще не воровство, это как бы – на пробу. На рынке же многие пробуют фрукты прежде, чем купить. А, во-вторых, больше двух бананов Яну было не унести. Он не умел пользоваться пакетами или сумками – его не научили. Он мог только взять один банан в рот, а другой – в левую руку, и все. Правая же рука была у него, как опорная нога, когда он стремглав мчался по газону домой, в цирк.

В цирке друзья съедали по банану, и слон смотрел на Яна своими добрыми глазами, и по обвисшей щеке скатывалась одинокая слеза. И в голове у Яна рождался ненужный, но настойчивый стишок:

Что мне делать, как мне быть,
Как мне Филю накормить?

Он все время думал об этом, и однажды придумал. Вернее, нашел. На задворках городской бани он нашел использованные распаренные веники. Их выбросили за ненадобно-

стью. Но для Фили это было спасение от голода!

Ян перетаскал в цирк целую кучу. На это ушло полдня, но зато у друга была пища!

Филя закладывал веник в рот и крепко сжимал его своими челюстями. Потом резким движением хобота снимал с него листья. Выплевывал прутья, а листья с наслаждением съедал. Потом поднимал с пола прутья и их тоже съедал, хоть и без наслаждения.

У него была еда. И у него было занятие!

Но кончились и веники, а цирк все не возвращался и не давал о себе знать. Да и кому бы директор цирка стал давать телеграмму? Слону? Так не бывает.

В довершении всего Яна поймали на рынке, когда он стащил очередную пару бананов. Люди в синей одежде накинули на него сетку, и Яну некуда было деться.

Сетку с него сняли только в камере. Да-да, это была маленькая тухлая камера вроде тюремной с крохотным зарешеченным окном.

Ян слонялся по цементному полу и сочинял грустные стихи:

В жизни Яну приходится туго:
Не размяться, не лечь и не сесть.
Не обнять сокровенного друга,
И не дать ему что-нибудь съесть

Ты спросишь: почему же он не рассказал людям, что ста-

щил бананы исключительно для своего большого и голодного друга? Люди пошли бы ему навстречу... А кто сказал, что Ян был говорящей обезьяной? Природа одарила его способность к стихосложению, а человеческой речью не одарила. Например, что-то объяснять, отвечать на вопросы и спрашивать он не умел. Что не умел, то не умел – врать не буду. Мог только вслух произнести свое стихотворение. Дело в том, что все поэты всегда стремятся ознакомить окружающих со своими текстами, и Ян не являлся исключением. Он хотел продекламировать свой последний стишок охраннику в синей одежде, который надел на него ремешок и повел на прогулку в парк, чтобы Ян сделал в парке свои дела и не пачкал камеру. Но у охранника было такое свирепое выражение лица, что желание поделиться с ним сокровенным тотчас пропало. Но и плестись на поводке, как комнатная собачка, тоже не было никакой охоты. Ян знал, что его неволя продлится до первого дерева, не дольше. И как только они дошли до первого дерева, Ян прыгнул на развесистую ветку, ухватился за нее руками, а ногой схватился за ремешок, потому что у него на ногах были такие же ладошки, как и на руках. Так вот, схватившись ногой за ремешок, Ян неожиданно для охранника дернул его со всей обезьяньей силы, вырвал ремешок из рук охранника и уискал по веткам, прыгая с дерева на дерево.

– Куда ты? – со всей дури закричал охранник, но ответа не дождался и побежал за сеткой, чтобы снова поймать Яна.

Однако Ян был не глупец, чтобы сидеть и ждать, когда его поймают. Он задал стрекача из парка, и скоро оказался на городском пляже, у самого берега моря.

Надо сказать, что в этот день с моря дул сильный ветер. Волны высотой в четыре обезьяньих роста так и ходили ходуном. Над вышкой спасателей развевался на мачте черный флаг – он запрещал всем абсолютно людям входить в воду. Людям, но не обезьянам! И Ян ринулся в бурлящее море. Не подумай, что он захотел искупаться. Нет! Он захотел утонуть, потому что жизнь для него потеряла всякий смысл. «Филя погибнет там, а я здесь!» – мелькнула мысль, и он захлебнулся и потерял сознание.

С вышки спасателей раздался рассерженный голос:

– Мальчик, сейчас же вернись на берег! Мальчик...

Потом слышались слова, не несущие конкретной информации, а потом опять внятные:

– Да это не мальчик! Это обезьяна!

А потом:

– Мужчина в зеленой майке! Мужчина! Вернитесь немедленно!

Но мужчина не обращал внимания на грозный голос спасателя. Он шел наперекор волнам, поворачиваясь к ним боком, и волны не сбивали его с ног, они как бы обтекали смелчака, пустившегося спасать обезьянку.

Здесь невольно приходит на память поговорка: ПЬЯНОМУ МОРЕ ПО КОЛЕНУ.

Потому что мужчина был скорее пьян, чем трезв. Он принадлежал к тем творческим натурам, которые никогда не доводят себя до состояния полной трезвости. Вот он ухватил обезьяну за безвольную руку, выдернул из воды, и прижал к худой груди, обтянутой мокрой зеленой майкой. Потом он взял Яна за ноги и стал трясти самым варварским способом. Голова обезьянки безвольно болталась и, казалось, вот-вот оторвется и покатится на съедение ненасытным волнам.

– Что вы делаете, – говорили люди, которые наслаждались морским воздухом, не купаясь, – Ваша обезьяна уже умерла. А некоторые, наиболее черствые, даже употребляли слово «СДОХЛА».

Но они ошибались. Ян не умер, а тем более – не сдох. В какой-то момент он вострепнулся, все его тельце напряглось, из открытого рта вырвалась струя соленой морской воды. Мужчина положил обезьянчика на песок и принялся делать ему искусственное дыхание. Еще две больших порции воды возвратил Ян бушующему морю, после чего схватил своего спасителя за руку и прижался к ней мокрой щекой.

– И куда же мы пойдем, малыш? – спросил протрезвевший от приключения мужчина.

Ян, молча, взял его за руку и повел в цирк.

– Вот обезьяну привел, – оповестил мужчину сторожа. – Чуть в море не утонула, еле спас.

Сторож порывисто обнял спасителя и поцеловал. По еле уловимому запаху и колючей щеке сторож распознал в нем

родственную творческую душу и предложил отметить спасение обезьяны небольшой выпивкой. У сторожа была припрятана в сторожке початая бутылка водки, вот они ее и распили. В процессе этого маленького пира мужчина признался теперь уже другу сторожу, что он поэт, но что творческий процесс у него катастрофически застопорился. Например, он получил очень заманчивый и дорогой заказ написать рекламный стишок об электробритве фирмы «Нokia». Он с радостью схватился за эту работу, не подозревая о ступоре творческого процесса. И вместо приличных денег он вынужден довольствоваться экземпляром этой самой бритвы, который ему вручили для вдохновения и в качестве аванса.

Неоднократно испытанные средства, такие, как пиво и сигареты не могли заставить мозги работать в нужном направлении. Кстати, о сигаретах: я возьму две: одну в рот, а одну – за ухо, на потом.

Сторожу сигарет было не жалко. Ему жалко было забуксовавшего поэта. И он сходил в вольер и принес Яна.

– Ян, – сказал сторож, – вот человек спас тебя по доброй воле. Помоги и ты ему. Сочини стишок про электробритву фирмы «Нokia». Вот она. Действуй.

Что ваша обезьяна – поэт? – насторожился мужчина. Поэты всегда относятся настороженно к собратьям по перу. Любой более или менее признанный в редакциях и, скажем, в рекламных агентствах поэт уверен, что никто лучше него не умеет вгонять слова в стихотворные размеры. Но если на мо-

ре случается катастрофа, тонущим не приходит в голову интересоваться, какого цвета глаза у капитана спасательного катера....

Тем более что в данном случае поэт-то – обезьяна, и трудно поверить, что она самостоятельно двинется по редакциям и рекламным агентствам отбивать у человека хлеб.

Ян почесал шерстяной затылок и изобразил гримасу недоумения. Никогда в жизни он не сочинял стихи по заказу. Стихи или сочинялись сами, или не сочинялись вообще. Но тут речь шла о товарищеской выручке, а Ян был хорошим товарищем. Он нахмурил маленький лобик, и стало буквально слышно, как скрипят, шевелясь его не такие уж большие мозги. Как они запоминают размер и рифму и ищут здравый смысл в вариантах строк.

Наконец, он посмотрел в лицо своему спасателю и пропищал:

Небритого фигура одинокая
Имеет жалкий и несчастный вид.
И лишь электробритва фирмы «Нокия»
Побреет, пострижет, развеселит!

«Одинокая – «Нокия» – подумал поэт. – Как же я сам не догадался! Он быстро записал стишок на обрывке афиши и высочил из пустого цирка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.